

D²⁶
186
Burr

26/106
Народы России

Этнографическіе
очерки и рисунки
Н.А. Александрова.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

ИНОРОДЦЫ

ЛѢСОВЪ.

(СИБИРЬ).

МОСКВА.

1899.

Изданіе
А.А. Панафидина.

Минусинск

26
186
Народы Россіи.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ
РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

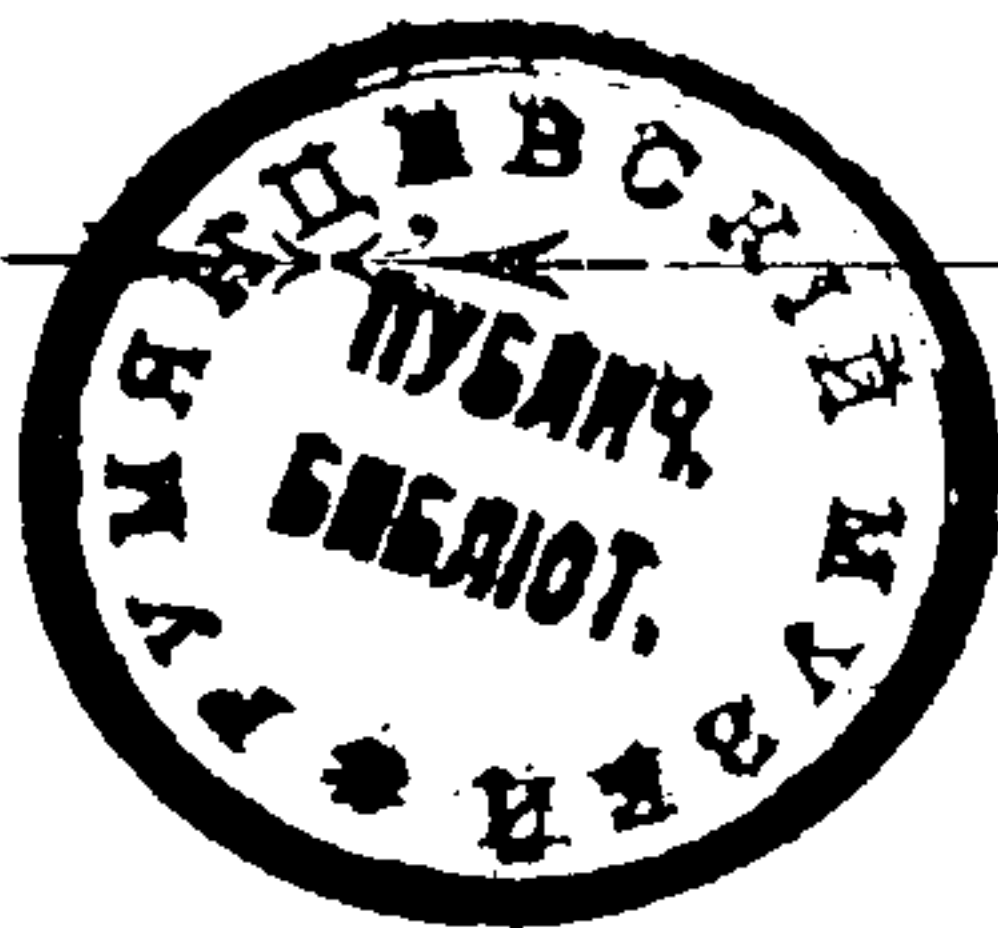
Выпускъ второй.

ИНОРОДЦЫ ЛѢСОВЪ.

(СИБИРЬ).

Н. А. Александрова

Цѣна въ бум. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

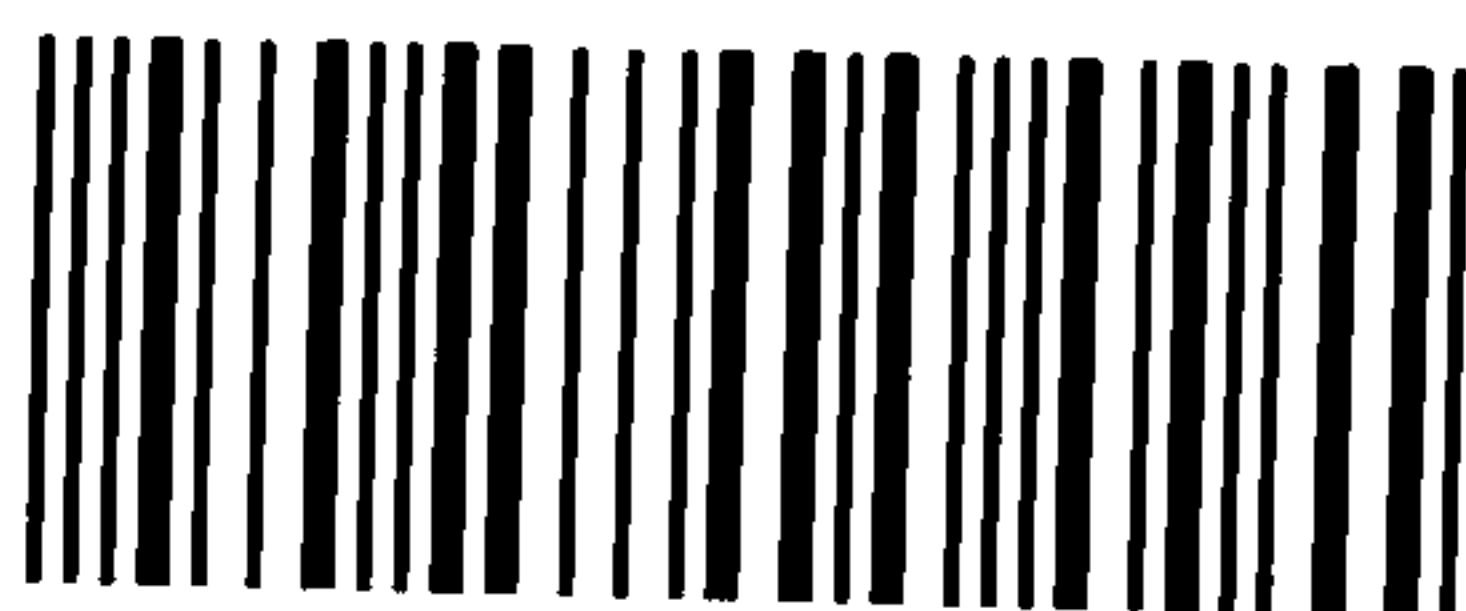

МОСКВА.

Собственность книжной торговли, специально для иногороднихъ, А. Я. Панафидина.
Москва, Покровка, Лилинь пер., соб. д., № 11—13.

1899.

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 24 февраля 1899 года.

2007051127

5 вкл.

Типографія И. Я. Полякова. Покровка, Лялинъ пер., д. № 13.

НАРОДЫ РОССИИ.

ИНОРОДЦЫ ЛѢСОВЪ.

(СИБИРЬ).

КАМЧАДАЛЫ СЪ КУРИЛЬЦАМИ.

(Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ).

Было время,—три столѣтія назадъ, когда никто не зналъ ни о Камчаткѣ, ни о томъ, гдѣ кончается Сибирь и есть-ли между Сибирью и Америкою какой либо проливъ. Многіе полагали, что пролива нѣтъ, и что обѣ эти страны сошлись на сѣверѣ нераздѣльно въ одну землю. Тогда въ эти отдаленныя страны никто еще не проникалъ; только русскіе казаки и промышленники, гоняясь за пушнымъ дорогимъ звѣремъ и разыскивая богатства Сибири, покоряли мало-по-малу сибирскихъ инородцевъ одного за другимъ. Они завладѣли сперва рѣкой Леной, потомъ дошли до Анадырь-рѣки, которая впадаетъ въ Берингово море,—поставили на Анадыри острогъ, или ма-

ленькую крѣпостцу, — и отсюда снова стали развѣдывать пути дальше и дальше. Одни направлялись рѣкой Колымой и по Сѣверному океану на востокъ, другіе-же черезъ Чукотскую и Коряцкую земли за Анадырь. Такъ, смѣлый казакъ Семенъ Дежневъ, отплывши по Колымѣ, объѣхалъ по Сѣверному океану сѣверовосточную оконечность Азіи, и первый такимъ образомъ открылъ проливъ, раздѣляющій Сибирь отъ Америки и названный уже потомъ Беринговымъ. Въ это-же время прошли слухи и о Камчаткѣ: русскіе впервые узнали о ней отъ покоренныхъ коряковъ, которые часто откочевывали съ оленями въ Камчатку; а потомъ прошелъ слухъ и объ одномъ русскомъ промышленникѣ Ѳедотѣ Алексѣевѣ, ѣздившемъ ради промысла вмѣстѣ съ Дежневымъ на Ледовитый океанъ. Баба Ѳедота Алексѣева, отбывая Дежневымъ отъ коряковъ, рассказывала, что отправился Ѳедотъ Алексѣевъ по Колымѣ въ Ледовитый океанъ на семи кочахъ, что кочи эти занесло бурей къ камчатскимъ берегамъ, и Ѳедотъ Алексѣевъ, прозимовавъ въ Камчаткѣ, умеръ отъ цыги, а всѣ его товарищи убиты дикарями. Вмѣстѣ съ этимъ шла и другая молва о томъ, будто камчадалы были сначала покорны Ѳедоту Алексѣеву, и, называя русскихъ по ихъ огненному оружію, огненными людьми, почитали русскихъ промышленниковъ выше смертныхъ; но, увидѣвши разъ, какъ одинъ русскій

зарѣзалъ другого, убѣдились такимъ образомъ, что и русскіе смертны, и, чтобы избавиться отъ страшныхъ гостей, всѣхъ до одного истребили. Баба Ѳедота Алексѣева рассказывала, впрочемъ, что нѣкоторые изъ промышленниковъ спаслись, и бѣжали на лодкахъ, неизвѣстно куда, въ океанъ.

Въ такомъ родѣ ходила по Сибири первая живая вѣсть про Камчатку. Но что за земля Камчатка, какъ она велика, чѣмъ богата, что въ ней растетъ, что водится, и что, наконецъ, за люди, — населяющіе ее дикари, — объ этомъ не было и рѣчи. Представлялась, вѣроятно, она русскимъ, по словамъ коряковъ, такой-же суровой и холодной, какъ и земля чукчей, такой-же мертвенной и ужасной, какъ тундра, и, какъ промышленники, такъ и казаки далеко за Анадырь идти не рѣшались. Первый, кто проникнулъ въ Камчатку, — это былъ казакъ Атласовъ. Въ 1605 году онъ двинулся съ шестюдесятью другими казаками внутрь самой земли; прошелъ ее вдоль и поперекъ, собралъ съ дикарей дань, завладѣлъ нѣсколькими острожками (поселками); и тутъ впервые русскимъ пришлось увидѣть такую землю и такія въ ней чудеса, о которыхъ въ Сибири и слышать еще никто не слыхалъ.

Сначала, какъ идти съ Анадыри на полуостровъ Камчатку, стелется повсюду та же промерзлая тундра, что и въ землѣ коряковъ, и встрѣ-

чаются тѣже голые камни и скалы, что и въ странѣ чукчей. Лѣсъ попадаетъ изрѣдка, и сперва являются, въ видѣ отдаленныхъ передовыхъ постовъ, низкорослыя лиственницы, ель и береза. Одна изъ нихъ не больше, какъ въ ростъ человѣка, другія сторбленными и уродливыми фигурами прилипли, точно кустарники, къ землѣ; въ одномъ мѣстѣ лежитъ, невыдержавшая напора сѣверныхъ холодныхъ бурь, тощая ель, обнаруживъ свои слабыя и маленькія корни; въ другомъ — круглой маковкой виднѣется одинокая лиственница, похожая издали на сигнальный подорожный шестъ, на который обыкновенно привязывается въ Сибири пучекъ мха; тамъ опять, точно кладбище, торчатъ семья черныхъ лѣсныхъ труповъ; а то деревья спрятались въ небольшой котловинѣ и образовали маленькій островокъ; иныя вытянулись по направленію береговъ рѣки и сомкнулись, точно немного дружнее и бодрѣе; повсюду онѣ также тощи и хилы и также мрачны и безжизненны, какъ и все окружающее. Укуталось каждое деревцо густой сѣткой неудавшихся, засохшихъ вѣтвей или сучьевъ. Величиной и ростомъ кажется это деревцо молодымъ; на самомъ-же дѣлѣ оно, промучившись два-три вѣка, — не больше, какъ преждевременно состарилось; со дня самаго рожденія оно существуетъ между жизнью и смертью. Тонкій стволъ его, толщиной въ человѣческую руку, покрытъ сверху до низу

черными лишайниками; изъ подъ этихъ лишайниковъ тускло выглядываетъ кое-гдѣ изодранная синевато-пепельная кора; и поверхъ всего виситъ, точно траурный флеръ, густой слой длинныхъ, бородатыхъ ягелей.

Смотришь на эти траурныя декораціи, на эти разбросанныя повсюду кладбища лѣсныхъ труповъ,—и ясно видишь, что здѣсь предѣлъ лѣсной растительности и что дальше на сѣверъ по тундрѣ, ей уже нѣтъ больше пріюта; негдѣ уже стало укрыться ей за пригорками или по оврагамъ отъ холодныхъ вѣтровъ и бурь. Но чѣмъ ближе къ Камчаткѣ, тѣмъ смѣлѣе начинаютъ тянуться длинныя рощицы, тѣмъ стройнѣе и гуще растутъ по склонамъ горъ лиственницы и ели. Дальше уже синѣются на горизонтѣ темной полосой густыя лѣса, и тутъ открывается совершенно иная картина. На душѣ становится какъ-то легче и отраднѣе. Тундра уже иногда только виднѣется между горъ длинными рубцами, или является въ видѣ отдѣльныхъ островковъ; горы же, напротивъ, сливаются плотнѣе въ непрерывныя цѣпи, и цѣпи эти, какъ отроги Станового хребта, дѣлаются выше и выше; и, вотъ, поднялся во всю свою величину Становой хребетъ; онъ прошелъ черезъ Камчатку съ сѣвера на югъ, вдоль по всему полуострову, разрѣзавъ его пополамъ, и уперся затѣмъ, точно лапами, тысячами отроговъ своихъ, съ одной стороны—въ Восточный

океанъ, а съ другой—въ Охотское море. Нѣтъ счета причудливымъ формамъ его высотъ, не подмѣтитъ глазъ всѣхъ разнообразныхъ его очертаній и линій. То вдругъ появится гора, точно скирдъ, то покажутся на какой-нибудь высотѣ большіе, остроконечные камни, точно уши; то выступятъ къ морю отдѣльно двѣ скалы, будто стоямя поставленные лодки; то наконецъ встала гора кверху голымъ шатромъ, а снизу окаймилась рядами другихъ горъ, густо заросшихъ лѣсомъ. Есть на Камчаткѣ и такія горы, которыя вѣчно дымятся, и ихъ насчитываютъ до тридцати: одна пышетъ огнемъ, другая выбрасываетъ камни и пепелъ; нныя же ушли въ тучи,—и на нихъ лежитъ вѣчный снѣгъ; а есть и такія высокія горы, какъ на примѣръ Сночевская сопка, что въ ясный день видно ее верстъ за триста. Перерѣзавъ такими-то горами Камчатку, Становой хребетъ выдвинулся скалистымъ мысомъ Лопаткой въ Восточный океанъ. На океанѣ-же, недалеко отъ мыса, онъ проглянулъ рядомъ острововъ, и закурилось по островамъ множество горъ, отчего русскіе и называли эти острова курильскими.

Не покрытъ Становой хребетъ густымъ, непролазнымъ лѣсомъ, что идетъ подъ названіемъ тайги въ Сибири, но рослый и красивый лѣсъ изъ лиственницы, ели, ольхи, рябины, осины, отойдя верстъ на тридцать отъ холодныхъ сильныхъ береговыхъ вѣтровъ, дуящихъ съ моря,—окаймился

породистой березой и пріютилъ по своимъ чащамъ множество мелкихъ и крупныхъ звѣрей. Тутъ водятся медвѣди, олени, голубые песцы, горностаи, росомахи; а пушистые мѣха Камчатскихъ лисицъ и соболей славятся въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ открыта Камчатка. Въ камчатскихъ лѣсахъ мало также строевыхъ деревъ, но нигдѣ по всей Сибири не видать такого множества всевозможныхъ травъ. Высокія травы скрываютъ всадника, а различные питательныя корни и всякаго рода ягоды растутъ и въ горахъ, и въ долинахъ, и между кустарниками. Луга-же около озеръ и рѣкъ такъ хороши, что въ иныхъ мѣстахъ можно собирать сѣно хоть по три раза въ годъ. Озерамъ, рѣкамъ и небольшимъ рѣчкамъ нѣтъ числа. Между горами повсюду извиваются ручьи; и бѣгутъ они въ море и океанъ, по направленію горныхъ отроговъ; рѣчки-же переполнены рыбою; и нѣтъ, какъ говорятъ путешественники, въ мірѣ другой страны, гдѣ-бы столько было превосходной и вкусной рыбы.

Богата также Камчатка множествомъ минеральныхъ источниковъ и ключей. Есть теплые, горячіе, холодные ключи; и по равнинамъ они бѣютъ въ такомъ количествѣ, что лѣтомъ нельзя бываетъ по суху ни пройти, ни проѣхать, а зимою они мѣшаютъ замерзанію рѣкъ. Есть ключи, которые бѣютъ фонтанами на футъ, на полтора въ вышину; есть и такіе, изъ которыхъ идетъ одинъ густой паръ,—и такой густой, что черезъ него на раз-

стояніи семи сажень не видать человѣка; есть и громадныя жерла—сажени на три въ ширину, и въ нихъ кипитъ вода бѣлымъ ключемъ съ такой силой и съ такимъ шумомъ, что заглушаетъ человѣческій голосъ; есть, наконецъ, и возвышенности, откуда бьетъ струями въ разныхъ мѣстахъ горячій паръ, а глубоко подъ землею слышится громкое клокотанье источника. Попадаются затѣмъ цѣлыя озера изъ источниковъ, встрѣчаются съ горячей водой цѣлыя рѣчки. Но ни пользуются этими богатствами ни дикари камчадалы, ни русскіе.

Дикари камчадалы, до появленія казака Атласова, жили въ этой благодатной странѣ, не зная даже скотоводства. Имъ вдоволь было для пищи той рыбы и тѣхъ звѣрей, которые изобильно водятся въ Камчаткѣ. Они ѣли при этомъ мучнистые сладкіе корни и ягоды, и жили,—семьи по три, по четыре, а иногда и больше,—въ землянкахъ, или земляныхъ юртахъ, возлѣ рѣчекъ. Хотѣлъ кто отдѣлится,—поселялся на другой рѣкѣ. Рѣка была главной и безраздѣльной собственностью тѣхъ, кто на ней жилъ. Далече, вслѣдствіе этого, отстояли одинъ поселокъ, или, какъ называютъ ихъ въ Камчаткѣ, острожекъ отъ другого острожка. Уходя отъ морскихъ непогодъ, камчадалъ устраивается обыкновенно своимъ поселкомъ въ какомъ-нибудь густомъ тальникѣ, верстъ за тридцать, за сорокъ отъ моря. Не видать его земляной юрты, она точно холмикъ, только

что дымится; но кругомъ юрты стоятъ на огромныхъ столбахъ высокіе, деревянные, остроконечные балаганы, и поселокъ издали кажется обстроеннымъ какими-то башнями. Хорошо чувствуетъ себя камчадалъ въ этомъ поселкѣ. Влѣзетъ онъ въ свою земляную яму черезъ ту же дыру, откуда выходитъ дымъ, и ѣсть, усѣвшись у очага, вмѣсто хлѣба, свою любимую сушеную рыбу—юколу; ѣсть также сушеную икру съ ивовою и березовою корой, а тамъ у него запасены, и въ ямахъ, и въ балаганахъ, разныя квашенныя и сушенныя рыбы, разныя травы,—сарана, что вмѣсто крупъ служить, сладкая трава, квашеная трава, сушеный пирей, полевой чеснокъ или черемша; есть и лакомства,—орѣхи въ родѣ кедровыхъ изъ сланца, черемуха, боярышникъ и тому подобное.

— Много еще юколы отъ зимы осталось?—спрашиваетъ камчадалъ одну изъ своихъ женъ.

— Много,—отвѣчаетъ та; и толчетъ въ большомъ корытѣ, изъ котораго кормятъ и собакъ, березовую кору, листь пирей, сарану, жиръ, сухую рыбу; а потомъ, накаливъ до-красна на очагѣ камень, бросаетъ эти каменья въ корыто, и варить такимъ образомъ камчадалское варево.

Камчадалъ облизывается, глядя на такое вкусное варево; а самъ, выбрасывая изъ юрты въ дымовую дыру недогорѣлыя головни, подумываетъ уже о свѣжей рыбнкѣ,—подумываетъ о веснѣ.

Мечтаютъ о томъ же и камчадалки, сидя за рогожами въ юртѣ. Слышно, какъ онѣ сучать тамъ изъ крапивы нитки и торопятся доплетать рыболовныя сѣти.

Пора весны дѣйствительно настаетъ: холодные сѣверные и восточные вѣтры стали стихать; проглянуль уже какъ-то разъ и свѣтлый денекъ. А только весной и бывають на Камчаткѣ свѣтлые дни. Стали эти дни чаще и чаще, солнце поднялось высоко и свѣтитъ уже такъ ярко, что камчадалы слѣпнутъ отъ блеска снѣга и надѣвають на глаза для защиты берестяныя сѣтки или очки. Быстро, наконецъ, отъ солнечныхъ лучей таетъ снѣгъ, быстро начинаютъ расходиться рѣки; и, почувявъ хорошую добычу, ползутъ съ горъ стадами черные и бурые медвѣди; бѣгутъ къ рѣкамъ и камчадалы, и стаи камчадальскихъ собакъ,— всѣ спѣшатъ полакомиться свѣжими лососками и гольцами. Отъ лососей-же вздувается рѣка,—точно живыми волнами кишить въ ней рыба, точно крупа въ жидкой кашѣ,—и, не выдержавъ напора, рѣка выступаетъ изъ береговъ, заливая окружающіе луга и ямы. Медвѣди ловятъ рыбу лапами, собаки достаютъ зубами,—и такимъ незатѣйливымъ способомъ они ловятъ ее больше, чѣмъ въ иныхъ странахъ люди сѣтями и неводами. Медвѣди и собаки, при такой наживѣ, сосутъ одинъ мозгъ изъ рыбы, а туловище бросаютъ. Камчадалы-же бьютъ лососей баграми, ловятъ просто

руками и сотнями вытаскиваютъ, забрасывая сѣти. А сойdetъ весенняя вода, и по берегамъ и ямамъ столько загниваетъ рыбы, что воздухъ пропитывается этой заразой на далекое пространство. Камчадалы при ловлѣ тутъ-же пластаютъ лососей, чистятъ ихъ, сушатъ и квасятъ; но, едва успѣютъ покончить съ этой работой, какъ надо уже перебираться на морской промыселъ къ морю. Тамъ, въ погонѣ за рыбами, вошли въ устье рѣкъ тюлени, а къ морскимъ берегамъ приплыли сивучи, бобры, бѣлухи и другіе жирные и большіе морскіе звѣри и рыбы. Тамъ у камчадаловъ есть лѣтніе травяные шалаши, есть также и высокіе деревянные балаганы; и, вотъ, забравши весь домашній скарбъ и оставивъ въ зимнихъ юртахъ одну какую-нибудь престарѣлую старуху, которая должна караулить балаганы отъ медвѣдей,—охотниковъ до готовой рыбы,—камчадальскій острожекъ переселяется весь къ морю.

Въ зимнихъ еще шубахъ, или куклянкахъ, сшитыхъ изъ оленьихъ или собачьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, въ такихъ-же шапкахъ, въ родѣ русскихъ треуховъ, въ кожаныхъ широкихъ штанахъ, въ сапогахъ, скроенныхъ изъ разныхъ тюленьихъ кожъ,—бредетъ нѣсколько камчадалскихъ семействъ по горамъ, рѣкамъ и озерамъ. Гдѣ возможно плыть по рѣкѣ, ѣдутъ на ботахъ, то есть лодкахъ, а гдѣ нельзя,—перетаскиваются съ рѣки на рѣку, съ озера на озеро,